

Сидитъ онъ прямъ и недвижимъ
И рѣчь начать боится съ нимъ.
«Что гость любезный нашъ не шьетъ?»
Клариса вдругъ къ нему,
«И что онъ нить не перерветъ
Молчанью своему?
Кто онъ? Откуда въ нашу дверь?
Могу ли я узнать теперь?»
Не стонъ, не вздохъ онъ испустилъ:
Какой то странный звукъ
Невольнымъ страхомъ поразилъ
Мою невѣсту вдругъ.
Всѣ гости: «ахъ!»—открылъ пришлецъ
Лице свое:—то былъ мертвецъ.
Трепещутъ всѣ, спасенія нѣтъ,
Женихъ забылъ свой мечъ.
«Ты помнишь ли», сказалъ скелетъ,
«Свою прощальну рѣчь:
Калмаръ забытъ не будетъ мной;
Съ тобою въ храмъ и въ гробъ съ тобой!
Калмаръ твой палецъ на битвѣ—тамъ
Въ отчаянной борьбѣ.
Вънецъ дѣвица въ гробъ намъ:
Я вѣренъ былъ тебѣ!..»
Онъ обхватилъ ее рукой
И оба скрылись подъ землей.
Въ томъ домѣ каждый круглый годъ
Двѣ тѣни, говорятъ,
Когда межъ звѣздъ луна бредетъ,
И всѣ живые спятъ,
Являются, какъ легкій дымъ,
Бродя по комнатамъ пустымъ...

Атаманъ.
[ИСТЕНЬКА РАЗИНЪ].

1.
Горе тебѣ, городъ Казань!
Бѣдетъ толпа удалыцовъ
Сбирать невольную дань
Съ твоихъ беззаботныхъ купцовъ.
Вдоль по Волгѣ широкой
На лодкѣ плывутъ,
И веслами дружными плещутъ.
И пѣсни поютъ.

2.
Горе тебѣ, русская земля!
Атаманъ между ними сидитъ;
Хоть его лихая семья
Какъ волны шумна—онъ молчитъ;
И краса молодая,
Какъ саванъ блѣдна,
Передъ нимъ стоитъ на колѣняхъ
И молвить она:

3.
«Горе мнѣ, блѣдой дѣвицѣ!
Чѣмъ виновна я предъ тобой?
Ты повѣрилъ злой клеветницѣ;
Любимъ мною не былъ другой.
Мнѣ жребій неволи
Судьбинушкой данъ;

Не губи, не губи мою душу,
Лихой атаманъ!»

4.
«Горе дѣвицѣ лукавой!»
Атаманъ ей, нахмурясь, въ отвѣтъ:
«У меня оправдается правый,
Но пощады виновному нѣтъ;
Отъ глазъ моихъ трудно
Проступокъ укрыть—
Все знаю!.. и вновь не могу я,
Дѣвица, любить...

5.
Но лекарство чудесное есть
У меня для сердечныхъ ранъ...
Прости же!.. лекарство то—местъ!
На что же я здѣсь атаманъ?
И заплачу ль, какъ плачетъ
Любовникъ другой?
И смягчишь ли ты, дѣвица,
Своею слезой?

6.
Горе тебѣ, гроза-атаманъ,
Ты свой произнесъ приговоръ!
Средь пожаровъ ограбленныхъ странъ
Ты забудешь ли пламенный взоръ?
Остался ль ты хладенъ
И твердъ, какъ въ бою,
Когда бросили въ пѣнныя волны
Красотку твою?

7.
Горе тебѣ, удалой!
Какъ совѣтъ совѣтъ удавить?
Отнынѣ онъ чистой водой
Боятся ужъ руки умыть.
Умывать онъ ихъ любить,
Съ дружиной своей,
Слезамъ вдовицъ беззащитныхъ
И кровью дѣтей!

7-го Августа.

ВЪ ДЕРЕВЦѢ, НА ХОЛМѢ, У ЗАБОРА.

Блестая, пробѣгаютъ облака
По голубому небу. Холмъ крутой
Осеннимъ солнцемъ озаренъ. Рѣка
Бѣжитъ внизу по камнямъ съ быстротой
И на холмѣ пришелецъ молодой,
Завернуть въ плащъ, недвижимо сидитъ
Подъ старою березой. Онъ молчитъ;
Но грудь его подымается порой,
Но блѣдный ликъ мѣняетъ часто цвѣтъ;
Чего онъ ищетъ здѣсь? Спокойствія? О, нѣтъ!
Онъ смотритъ вдаль: тутъ лѣсъ пестрѣетъ,
тамъ

Поля и степи, тамъ встрѣчаетъ взглядъ
Опять дубраву, или по кустамъ
Разсыпанные сосны. Миръ, какъ садъ,
Цвѣтетъ, надѣвъ могильный свой нарядъ:
Поблкнувшіе листья... Жалость миръ!
Въ немъ каждый средь толпы забыть и
сирь,